

Анна Ебдо

УУЗА

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Е15

Евдо А.

Е15 ИЦА / А. Евдо. — М. : Издательские технологии / RUGRAM,
2023. — 306 с.

ISBN 978-5-521-90811-0

Однажды он мимоходом сказал ей: «Рычи и действуй! Хватай что под рукой и бей. Пусть тебе достанется. Но и от тебя достанется! В следующий раз побоятся тронуть. А то, что ты в два раза меньше, от тебя сильнее отпугнет. Ненормальных боятся. Страх, он порой побеждает силу. Запоминай, если выжить захочешь». Ей исполнилось десять, ему — восемнадцать. И она запомнила. Билась за себя следующие десять лет. А потом встретила его снова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90811-0

© Евдо А., 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

1 глава. Пигалица

— ...ица!!! — осколком полетело вслед рванувшей с крыльца худенькой девчужке.

Голые ноги сверкнули, когда силуэт-стебельёк взлетел по тяжёлой деревянной приставной лестнице на сеник. Там, в глубине, одна из досок стены была давно раскачана, и девочка незаметно протискивалась в зазор, чтобы оказаться на крыше стайки, с неё соскочить на забор и дальше крапивным проулком убежать прочь от дома. Можно и в сене пересидеть. Мачеха побоится лезть на самую верхотуру. Но так не хотелось слушать её крики даже оттуда. «Пигалица», «нахлебница», разбавляемые «дрянью», «сучонкой». Пару раз прилетало «отродье», за что её неожиданно осадил отец. Нет, не в защиту дочери — бабий язык не мог посметь даже косвенно оскорбить его как мужика. Дочь могла быть не угодна ему самому, но его отродьем её назвать — значило схлопотать оплеуху в ту же секунду. И мачеха оттачивала свои ругательства, обходя стороной тяжёлое недовольство мужниной руки.

В проходе между заборами, как всегда, ждал надёжный Васька. Он был её одноклассником и единственным, зато настоящим, другом. С той самой встречи первого сентября в первом классе, со дня их знакомства, он восхищался её бесстрашием и небоязнью высоты. Она ценила его молчаливость и преданность и никогда не смеялась над ним. У каждого могут быть свои страхи. Он боялся подъёмов, прыгать в речку с мостков, смотреть вниз с обрыва. Куда бы ни было нужно залезть, забраться, перескочить — всегда это делала она. Зато внизу её неизменно ждал Васька. Они сблизились за этот учебный год и встретили лето, предвкушая свободу, прогулки и занятия своими делами без уроков

и назойливых старших, которые их не трогали, лишь бы дети не мешались под ногами.

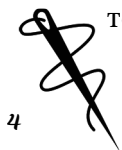
Она босиком улепётывала от своей дурной мачехи, а приятель поджидал в проулке, в сорняках, с её сандалиями. За время своих вылазок они основательно примяли буйную траву, сгладили кочки и местами наложили досочек, чтобы обеспечить проходимость по всем своим путям отступления и возможность пронырнуть по узким ходам, которые были известны только им двоим, и не пораниться, не запнуться, не наступить на что-то неожиданно. Всё тут уже было подмечено и изучено, а та самая соломка из поговорки подстелена. Они могли положиться друг на друга. В свои семь лет ребята точно знали, что такое уверенность в другом человеке. Даже несмотря на то, что некоторые взрослые показывали им совершенно иную сторону этого самого доверия.

— Сильно досталось? — слышался тихий шёпот товарища, когда она спрыгнула вниз.

— Переживу, — отмахнулась, принимая от него свою изрядно поношенную обувь и натягивая её на босые ноги.

В пять лет она стала сиротой. При отце, которому не был обузой ребёнок, приученный убирать и следить за собой, за которого ему полагались пусть небольшие, но льготы. Он не лез к ней с расспросами и поучениями и не замечал противостояния между новой женой и дочерью, списывая их стычки на женские заморочки.

Она помнила образ мамы, но совершенно не могла воспроизвести в памяти её лицо. Не представляла ни её рук, ни длины пальцев, ни особенностей ногтей, зато ощущала их прикосновения и поглаживания по волосам. Тогда у неё были длинные волосы. После купания мама сначала сушила их полотенцем, затем разглаживала ладонями и только после бралась за расчёску. Больше некому помогать ей их прополаскивать, тем более заплетать. И она привыкла ходить с короткой стрижкой, часто даже не каре, а под мальчика.

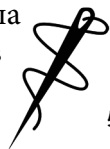

Мама любила касаться её, проходя мимо, ставя перед ней тарелку с супом или укрывая одеялом. Наверное, она исчерпала отмеренное ей количество объятий и обниманий за те пять лет рядом с мамой. Больше никто её не обнимал, да она и не хотела, сторонясь любого физического контакта. Правда, могла положить голову на плечо Ваське, ожидая подрагивания поплавка на рыбалке, и принять его руку помощи, когда они перелезали через болотце в лесу.

Ещё одно яркое и очень чёткое воспоминание: мама шьёт, вокруг разложены ткани, коробочки с пуговицами, крючками, заклёпками, шкатулка с нитками и ленточками. Мама творила волшебство. Она не помнила маму внешне, но ощущение того волшебства жило в ней. Она научилась мастерить одежду кукле и вязаной собаке, набитой ватой, зашивала дырки на своих колготках и штанах Васьки. Когда она закончит школу, то поедет учиться на швею. Обязательно. Но об этом знают только она и Вася. Другим же знать совсем не нужно.

Сегодня утром её отхлестали сырым полотенцем и лишили завтрака. Она помешала продать швейную машинку мамы. Услышала накануне разговор Лидки с отцом и спрятала её в гараже. Из последних силёнок тащила ночью, стараясь не шуметь. Васька помог на улице. Сложили, завернув в какую-то дерюгу, в одну из коробок, которые десятками пылились по углам и в которые никогда не совала своего любопытного носа мачеха.

Её лупили, но она молчала и даже ни разу не пикнула. Сняжки заживут, на сеновале припрятаны сухари и пачка сока, которую она сберегла из школьной столовой. Отец ожидаемо махнул рукой на причитания мачехи. При этом не попрекая дочь, но и не мешая Лидке воспитывать «упёртую козу». Она умела терпеть. Научилась и лишь изредка срывалась, как в этот раз. Могла бы и дальше пережидать, стиснув зубы, но, когда злющая гадина выплюнула, что её мама была глупой самоучкой, резко дёрнула за конец тряпки в руках мачехи и зашвырнула той за спину. Пока Лид-

ка остолбенела от неожиданного отпора, юркнула в сени и, не останавливаясь, помчалась дальше по проверенному пути.

Когда не стало мамы, её мир исчез. Он не рухнул, не изменился, его просто не стало. Пустота. Она стала невидимкой, которую пара сердобольных женщин погладили по головке на похоронах, в то время как остальные односельчане отводили глаза, избегая смотреть на маленькую и никому больше не нужную девочку. Она никогда не обременяла отца, который большую часть времени проводил либо на работе, либо в гараже, ел и уходил в свою комнату. Он не знал, что делать с девочкой. Был бы пацан, сам бы прибил к нему. А дочь, он морщился, как от ноющей зубной боли, — будущая баба. Пусть дома сидит да к хозяйству привыкает. Но на людях он соблюдал принятые условности. Водил её в садик.

Воспитательница, одна из сочувствующих женщин, периодически напоминала ему, что девчушка выросла из куртки, сапожки стали малы, и забирала девочку к себе по вечерам, когда он задерживался на работе.

Такие вечера были приятными, потому что в доме Марьихалны кормили горячим ужином и поили сладким чаем. И всегда давали с собой на утро печенюшку. Она помогала кормить кур, составлять к тазу грязную посуду. Ей нравилось, как чисто было дома у воспитательницы, и она старалась протирать стол и подоконники дома, подметать пол и перестилать постели. Ей нравились цветы, которые разрешали поливать и обирать завядшие листочки, рыхлить землю. Однажды воспитательница подарила ей герань в маленьком стаканчике из-под сметаны. Позже она развела собственный цветник, мастеря горшки из ненужных пластиковых бутылок, обрезая их и ровно обматывая вкруговую верёвкой. Все цветы, даже из малюсенькой семечки, приживались и бурно расцветали в её заботливых руках.

Прошлым летом в их доме появилась Лидка. Сначала она вела себя тихо и делала вид, что интересуется девочкой. Однако быстро смекнула, что отцу нет до

неё дела, и прекратила фальшивые попытки наладить контакт. Грузила работой, оставляя ребёнку накопленную за день грязную посуду, чтобы потом попрекать плохо отмытыми кружками и вилками с насохшими остатками пищи, с которыми не справлялись детские ручки. Отправляла в магазин и придиралась к неверно принесённой сдаче. В ход шли подзатыльники, шлепки, толчки за любую реальную или выдуманную провинность. Пока девочка ходила в детский сад, мачеха вела себя осмотрительнее, стараясь не оставлять синяков и отметин на её теле. А как началась школа, освоила щипки. Ногтями, с выкручиванием. Порой до царапин и кровоподтёков.

Их она не показывала даже Ваське. Не жаловалась, скрывая отметины, потому что отчего-то было стыдно. Стыдно за отца, взрослую тётку и свою молчаливую ненужность.

2 глава.

Подарок на день рождения

— Анечка, с днём рождения! — Мария Михайловна приобрела девочку с колким взглядом.

Та кивнула и пробормотала «спасибо» в пышную тёплую грудь своей бывшей воспитательницы. Тут же вытянулась. Худенькая, острая, движения летящие, не плавные, но и не режущие.

— Забегай ко мне через час, хорошо? — пригласила женщина, отстранившись и продолжая удерживать девочку за плечико.

Между ними сохранялась негласная традиция отмечать Анин день рождения, о котором забывали или специально не упоминали отец и мачеха. Марь-

михална пекла торт или другие вкусняшки. Вечером прибежали Аня с Васей и вместе с её ребятами чаёвничали, смеялись, обязательно задували свечу — всегда одну, девчушка не разрешала больше. Но сегодня они нарушат наложенный запрет. Уже куплены единица и ноль и приготовлен подарок. Следуя заведённой традиции, Марьмихална дарила Ане что-то самодельное, непокупное: шарф, варежки, новый саженец. Она была уверена, что нынешний подарок точно придётся по душе её подопечной. И они непременно поведут «каравай».

— Забегу, — девочка кивнула русской головой. — Вы же не примете отказа.

— Негоже нарушать то, что в радость всем, — мягко заметила воспитательница и отпустила Аню от себя.

Васька зашёл за ней и подарил целых две шоколадки и две пачки сока из той же школьной столовки. Она поднялась на сеновал, припрятала богатую заначку и, улыбаясь, заспешила на свой праздничный чай.

— Как думаешь, что за угощение будет? — спросил Васька.

— Не знаю, — Аня пожала плечами, — всё равно будет вкусно.

— Это точно, — поддакнул он.

Она не произносила вслух, но себе признавалась, что внимание Марьмихалны было ей приятно и очень дорого. Васька догадывался, но молчал и не лез в душу.

Аня с Васей пришли ровно через час. Над сенями был приколот нарисованный красками плакат с разноцветными шариками и надписью «С днём рождения!». Дядя Коля сграбастал именинницу в медвежьи объятия и вручил белую лилию на длинном толстом стебле. Она покраснела и уткнулась носом с запашистые лепестки. Выбежали Димка с Алкой и запрыгали вокруг, подталкивая Аню в дом.

— Заходи-заходи, мама нам не показывает, но пахнет так, что слюнки текут, — тараторили они наперегонки.

Стол на кухне был накрыт кружевной белой скатертью. На нём красовались праздничные кружки и

тарелки: снизу одна побольше, на ней другая поменьше. Рядом с ними сверкали блестящие тонкие ложечки, белые салфетки с воздушными шариками, пузатый заварник и сахарница.

Мария Михайловна хлопнула в ладоши:

— Мойте руки и решайте, только сладкое или сначала курица с картошкой.

Все потянулись к умывальнику. Аня аккуратно поставила на табурет принесённый пакет.

— Там алоэ, который Димыч сломал. Ожил. Я ему землю заменила и горшок почистила.

Женщина погладила её по руке и перехватила лилию:

— Умница, спасибо. Я твой цветок в воду поставлю.

Всем не терпелось увидеть и попробовать десерт, поэтому, как только они расселись за столом, Мария Михайловна принесла из комнаты большой поднос, накрытый высокой картонной крышкой. Ане выпала честь открыть сюрприз. Она чувствовала, как подрагивают пальцы и замирает всё внутри в ожидании. Под крышкой оказался невообразимых размеров торт-муравейник с венчающим его по центру серебристым числом «10». Аня не могла оторвать от него глаз. Часто заморгала, пытаясь унять волнение, и улыбнулась затихшим вокруг людям.

— Теперь тебе столько лет, что одной свечкой никак не обойтись, — немного сипло проговорила Марьямихална и незаметно ткнула в бок мужа. Он поднялся и достал из кармана зажигалку.

— Ну что, Анюттик, загадывай двойное желание.

Она заворожённо смотрела на играющие огненные язычки и просто хотела, чтобы этот момент не заканчивался. Чтобы рядом сопел Васька, нетерпеливо ёрзали дети хозяев дома, а они сами с теплотой смотрели на неё. Глубоко вдохнула, загадала желание, вернее, повторила про себя давнюю мечту уехать в город и выучиться швейному делу, и задула свечи. Все дружно прокричали нестройное «ура» и подставили тарелки для своего кусочка торта. На-

евшись изумительной домашней выпечки и напившись душистого чая с мятой и смородиной, они высыпали во двор, где спели «Каравай», оставив Ане сольно закончить: *«Я люблю, конечно, всех, ну а... больше всех»*. Она обвела всех ясным взглядом, добавила: *«Не могу выбрать»*, — и просто встала в общий круг, разбив сцепку Васьки и Марьмихалны.

Надышавшись гостеприимным воздухом, они с Васей забирались по домам. Вдруг в руках воспитательницы появилась коробка, обёрнутая бумагой с изображением всё тех же воздушных шариков. Девочка не заметила, откуда она взялась. Все застыли.

— Анечка, какой же день рождения без подарка? Это тебе.

Она пыталась сглотнуть воздух, который застрял в горле и сделался густым и вязким, как желе.

— Открывай! — захлопала в ладоши маленькая Алла, прыгая на месте.

Аня бережно отлепила нарядную упаковку, медленно отогнула картонные бортики и обомлела. Внутри спрятался рюкзачок из джинсовки, с плотными лямками и вышивкой неброскими более тёмными синими нитками в виде цифры пять на внешнем кармашке. Она провела по выпуклому рисунку подушечками пальцев.

— Ты отличница. Пусть в твоей жизни всё будет на пять: дружба, учёба, достижение цели.

— Вы сами сшили? — Аня приподняла рукотворное чудо повыше, разглядывая аккуратные строчки швов.

Мария Михайловна кивнула и обняла её. Аня обняла её в ответ и в очередной, тысячный раз прошептала «спасибо».

— Давай положу тебе в него кусок торта на утро — и бегите к себе.

Дома, не успев войти в калитку, Аня услышала окрик махи из открытого окна:

— Принеси воды.

Второй год, как они с отцом перестали говорить элементарное «с днём рождения», не то что дарить

